

М. Я. Сараф²

СООТНОШЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОВРЕМЕННОСТИ: ОПАСНОСТЬ ИНВОЛЮЦИИ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ К НОВОМУ СИСТЕМНОМУ ЕДИНСТВУ?

В философско-культурологических работах Д. С. Лихачева достаточно четко выражаются две идеи, которые могут служить отправной точкой для рассмотрения поставленного вопроса. Одна из них представляет культуру как целостное пространство, в котором и только в котором осуществляется бытие человека во всех его (бытия) исторических формах (традиционного общества, цивилизаций, больших и малых общностей и т. д.) [1]. Согласно другой, именно европейская (западноевропейская) культура является культурой общечеловеческой, поскольку она создала концептосферу, открытую к принятию ценностей, созданных всем человечеством. Далее Лихачев указывает три фундаментальных основания этой культуры (личностность, универсализм и свобода), позволившие ей достичь такого результата [2]. Тревога Лихачева за судьбы культуры связана именно с сохранением и развитием либо разрушением ее содержания.

Действительно ли современная цивилизация и существующая в ее условиях культура (культуры) находятся в кризисном состоянии? В моем понимании кризис есть такое состояние системы, при котором она или с трудом выполняет свою функцию, или во-

обще утрачивает способность ее выполнять. С такой точки зрения цивилизация, представляющая собой способы и формы институциональной социальной организации (государство, конфессии, институты образования и воспитания, трудовой и социальной деятельности и т. п.), в настоящее время действительно находится в кризисном состоянии, ибо может только более или менее модернизировать действие исторически сформировавшихся социальных механизмов, но не имеет общезначимого проекта социальной организации будущего.

Таким образом, становится понятным основное цивилизационное противоречие современности. Одни (в данном случае даже неважно, как их называть — неолибералы или неоконсерваторы) предлагают сохранять уже достигнутое, так или иначе его совершенствуя; другие, во многом лишенные благ прогресса и даже ограбленные им (таковы противоречия глобализации), призывают и вовсе от него отказаться и вернуться к формам традиционного устройства жизни, предписываемым, скажем, мировыми религиями (фундаментализм). И те, и другие предлагают двигаться с повернутой вспять головой. Пока не видно, что может стать предметом общего интереса и послужить ориентиром хотя бы для заинтересованного диалога. Даже сохранение мира не выступает такой ценностью, более того — физическое уничтожение цивилизационного оппонента сегодня рассматривается как наиболее предпочтительный способ разрешения противоречий. Цивилизация из способа социального управления и регулирования все больше превращается в способ социального манипулирования и тем самым обращается против своей сущности.

² Профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия как самосознание культуры», «Опыт типологии культуры», «Национальное культурное пространство и обеспечение его безопасности», «Культурная инновация» и др.; статей: «Измерение культурного пространства», «Безопасность национального культурного пространства — необходимое условие устойчивого развития», «О социальной базе политических партий в России», «О многоаспектности бытия человека в культуре», «Актуальность защиты целостности национального культурного пространства», «Трехмерная модель культурного пространства» и др.

Культура, если понимать ее как способ бытия человека, имеет главную функцию — воспроизводство человека как общественного существа, способного не только к воспроизводству достигнутых содержательных форм, но и, что принципиально важно, к культурной инновации.

Поскольку общепризнано, что культура выполняет интегративную функцию, то содержание понятия культурной инновации сопряжено со всяким изменением в способах и формах общественного воспроизводства. Прежде всего это относится к изменениям в духовной сфере, что более или менее быстро проявляется изменениями в образе жизни, в сфере социальных отношений и социальных структур. В традиционном обществе этот механизм действовал медленно и даже незаметно для многих смеявшихся друг друга поколений.

Цивилизационные же формы культуры резко усилили, ускорили и до чрезвычайности усложнили их действие. Более того, культурная инновация, будучи осознанной и обретая высокий ценностный статус, по этой же причине оказалась трудноразличимой и легко фальсифицируемой. Это произошло вследствие того, что культурные процессы существенно опережают социальные, или, другими словами, из-за подчинения динамики культуры динамике социальной. Но по причине единства социального и культурного всякий дисбаланс между ними выступает и как причинение взаимных изменений: в социальных процессах выявляются и материализуются культурные смыслы, проходя, так сказать, проверку на действительную воспроизводственную пригодность и ценность; в процессах же культурных изменение социального опыта побуждает изменение ментальности и ее новые конструкции.

Действие культурной инновации может быть скрытым, а ее последствия могут выступать несколько неожиданными и не всегда желаемыми и принимаемыми конкретным сообществом. В качестве культурной инновации может выступать явление, внешне с ней сходное, но не совпадающее содержательно и структурно, однако воспринимаемое и внедряемое как культурная инновация. Подобная социокультурная ситуация наблюдается в двух случаях: или как стихийно возникшая в движении культуры, или как целенаправленно организованная. В первом случае причиной того, что общество обманывается в распознавании культурной инновации, является нечеткость, размытость ценностных представлений, увлечение чисто внешней стороной явления и упрощенным применением методов сравнения. Во втором случае мы сталкиваемся с сознательной фальсификацией культурной инновации, которая производится или в утилитарных, меркантильных целях сбыта определенной продукции, или в целях идеологических и пропагандистских для манипулирования общественным сознанием и поведением.

В этом плане опасения Д. С. Лихачева приобретают особую актуальность в начале XXI века, поскольку инфляции подвергаются именно те характеристики культуры, которые он полагал фундаментальными для европейской, а значит, и общемировой культуры и которыми, собственно, только и обеспечивается инновационный потенциал культуры. Ее личностность

размывается, во-первых, массовым стандартизированным потреблением, которое к тому же сопровождается постоянным снижением качества, и во-вторых, все более увеличивающимся интервалом между субъектом культуры, актом культурной деятельности и объектом культуры и актом ее потребления.

Ее универсализм все более ограничивается утилитарностью интересов и узким горизонтом форм анклавного, кланового, сословного бытия. Показательно, что мультикультурализм, который еще совсем недавно представлялся как новая и, может быть, прорывная форма социальной организации, сегодня оказался одним из самых деструктивных факторов, и не только в Европе. Потребительский подход, утилитаризм и прикладной характер разрушают важнейшие отрасли культуры — образование, науку, искусство, спорт. Сегодня уже всерьез говорят не просто о кризисе гуманизма, но о постчеловеческом этапе истории.

Третья характеристика, данная Д. С. Лихачевым, — свобода, понимаемая им прежде всего как духовная свобода, способность к творческому самовыражению, то есть к культурной инновации, в настоящее время настолько обесценилась из-за влияния торжествующего постмодернизма, что о ней как-то неловко и говорить. А пресловутая политкорректность уже не позволяет с уверенностью идентифицировать не только другого как человека, но порой и самого себя.

Таким образом, современная культура в определенной или даже в значительной мере испытывает трудности с воспроизводством человека, и далеко не всегда можно быть уверенным в достижении этой цели. Я уже не говорю о крайностях, напрямую и агрессивно обращенных против такого воспроизводства. Тут и вправду наступает конец истории. Болезнь современной культуры состоит в серьезном ослаблении ее иммунной системы, в размывании критериев идентификации и самоидентификации человека как субъекта деятельности.

Каков же будет ответ на вопрос, поставленный в заглавии?

Для многих уже очевидно, что использование ресурсов за счет совершенствования техник и технологий — это тупиковый путь. Такая вялая эволюция на самом деле приводит к инволюции, то есть коллапсу культуры как системы. Инволюция есть процесс затухания воспроизводственных функций того или иного структурообразующего элемента культуры, снижения его информационной значимости и инновационной потенции. Или, иначе говоря, инволюция есть процесс свертывания некоторой части культурного пространства или всего культурного пространства, если дело доходит до социокультурного (этнического или национального) коллапса.

Можно выделить объективные и субъективные предпосылки и факторы, запускающие инволюцию.

К объективным предпосылкам следует отнести те изменения, которые происходят в природе и по ее законам. Это такие обстоятельства, масштаб противодействия которых бытию сообщества намного превосходит его креативные и деятельностные возможности и относительно быстро исчерпывает их. Куда более значительными являются предпосылки инволю-

ций, создаваемые социальностью. К таковым можно отнести изменения численности сообщества, его половозрастной и поселенческой структуры, уровня безопасности существования сообщества, которые своей масштабностью подавляют воспроизводственные возможности.

К субъективным факторам, способным вызывать инволюции, можно отнести изменения интересов и способностей субъектов культурного процесса, возникающие на основе изменения содержания и структуры потребностей. Ключевым фактором инволюции, по моему мнению, является снижение мотивации и интереса к определенной части социокультурной деятельности. Оно может выражаться двояким образом — или как снижение общей активности в том или ином направлении воспроизводства культуры, или как существенное сокращение социального объема субъектов деятельности при любой степени активности каждого из них. В первом случае процесс воспроизводства все больше сводится к самым рутинным и упрощенным формам, насколько они сохраняют свою необходимость, а инновационная составляющая становится крайне слабой, практически исчезает. Во втором случае формы культурного воспроизводства продолжают утратившую социальную значимость традицию и тем самым омертвляются, или же представляют некоторую сферу духовной элитарности, все более замыкающейся на себя самое и, возможно, становящейся маргинальной.

Действительный путь выхода из цивилизационного и культурного кризиса — международное и межкультурное сотрудничество, как бы тривиально это ни ка-

залось. Подвигнуть к нему может только очевидность всеобщей опасности: нехватка ресурсов (воды, земли, продуктов питания и т. п.), угроза мощных пандемий, стихийных катаклизмов. Или, что вполне возможно, появление новых духовных и политических лидеров, обладающих достаточной харизмой (а также культуротворческим потенциалом) и способных предложить новые универсальные социальные проекты или, если выразиться немного устаревшим стилем, новый общественный идеал.

Что позволяет надеяться на возможность решения этих задач и как ему можно содействовать? Во-первых, всемерное сохранение целостности национального культурного пространства и его традиций. Во-вторых, разработка и внедрение инновационных систем образования и образовательных технологий. В-третьих, продолжение и развитие международного, межрегионального, межэтнического культурного сотрудничества. В-четвертых, формирование стойкого иммунитета против идей изоляционизма, национально-культурной преференции, равно как и нивелирующего космополитизма. Появляются обнадеживающие новые формы социальной и культурной самодеятельности (например, сетевые структуры), способные противостоять манипуляциям и дегуманизации, хотя судить об их культуротворческом потенциале пока рано.

Литература

1. *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда / Д. С. Лихачев // Дмитрий Лихачев. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб.: СПбГУП, 2006. — С. 379, 391.
2. *Лихачев Д. С.* Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д. С. Лихачев // Там же. — С. 394–395.